

Людмила — 1993 — март (N 7) — с. 8 — 9

Эдита Пыха похожа на женщину, попавшую из комфорта в ссылку. Бывали иностранцы, ехавшие в Сибирь за любовью. Бывали — за политику. Бывали — за иностранность. А она, получается, приехала за песнями. Будто в деревню за фольклором. И судьба цыкнула и повелела остаться. Что бы было, если б не было? Не было бы Народной артистки всего Союза, с понижением — а может, возвышением — до России.

Эдита Пыха похожа на женщину, которая так и не прижилась. Иная странность у нее... Но всегда она вызывала благоговение и любопытство, как витрины заграничных магазинов, в которые не с чем заходить. Около нее замираешь, как вблизи редкого существа — Жар-птицы с вещевым мешком на крыле. Про нее хочется подумать, что она наступила на горло собственной песне. Но в итоге думаешь, что песня ее именно такая и такая судьба...

— Эдита Станиславовна, у вас есть грех, который вы несете в себе всю жизнь?

— Я расскажу, но вы подумайте, что я ненормальная. Когда-то я очень обидела Лиду Клемент, была в Ленинграде такая певица, роскошно стартовала и молниеносно стала любимой. В 26 лет она умерла, а накануне ее смерти... Платя у нас были казенные, они хранились на складе Театра эстрады. Я уехала на гастроли, и кто-то из злопыхателей позвонил мне и сказал: а в твоих платьях поет Лидя Клемент. У нее не было собственных. У меня тоже было всего три-четыре, но по тем временам — 1963 год — мы считали это большим богатством. Я пришла в Театр эстрады на ее концерт и потребовала вернуть мне мое платье. Такой низкой я оказалась, так некрасиво себя повела, при том, что знала о ее болезни. Я католичка, и после ее смерти молилась каждый вечер в течение года, чтобы она меня простила.

— У вас бывают моменты, когда вы думаете, что жизнь была несправедливо жестока с вами?

— Жизнь ловит меня, как охотник зверя. Если я не готова к какому-то событию, этапу, значит, меня пристрелят или ранят. А если я все предусмотрю, если голова будет на месте, я смогу увильнуть от какого-то жизненного удара. Жизнь ко всем одинаково относится, просто она каждого проверяет на прочность ради него самого же.

— У вас было трудное детство?

— Очень. Наверно, отсюда и такая закаленность, броня, в которой я, как рыцарь, лавирую, чтобы не получать лишних ударов. Я редко падаю, меня непросто свалить. Я всегда стремилась к идеалам, которые казались недостижимыми. Хотела нести людям красоту, которой не хватало мне самой. Я только что от врачей. Врачи спросили, почему у меня искривлены пальцы на ногах. Потому что я в детстве донашивала туфли своей двоюродной сестры, которые были на полтора размера мне малы.

Вся моя жизнь прошла не в роскоши и без денег. Посади меня в роскошную виллу, я там, наверно, заблужусь, мне станет страшно. Как я боюсь, скажем, ночевать одна в трехкомнатном люксе — всегда зову кого-нибудь ночевать со мной. Мне кажется, какие-нибудь вампиры непременно явятся в темноте — разыгрывается воображение.

Папа умер, когда мне было четыре года. И вот эта незащищенность с того возраста...

— Вы отца помните?

— Да. Мне исполнилось два года, когда во Франции началась вой-

на: эвакуация, оккупация, бомбежки, мы выкапывали соседей из-под развалин домов, бесконечные походы на кладбище — сначала папа умер, потом, когда мне исполнилось семь, умер старший брат, нищета, расстрелы шахтеров, работавших в Сопротивлении против оккупантов... Все помню. Однажды я нечаянно, во время игры, совком ударила девочку, чьи родители, наши соседи, работали на фашистов. Мой папочка был болен, умирал — в 37 лет у него оказались легкие, четырнадцатилетний брат работал в шахте, чтобы зарабатывать на жизнь, а те жили припеваючи, получая хорошую еду от оккупантов. Меня хотели накачать. И мой папюшка сказал: она слишком маленькая, чтобы творить зло сознательно.

— Вам не хватало отца?

— Всю жизнь. Я понимала, что мне нельзя давать себя в обиду. Сама себе была отцом. Мама второй раз вышла замуж, когда умер мой брат. Мы жили в шахтерской колонии и были собственностью хозяйна шахты. Жилье казенное. Если в шахту не спускался член семьи, требовали освободить жилье. А женщине было немилосливо найти работу во Франции во время войны. И мама, похоронив семнадцатилетнего сына, умершего от скоростного туберкулеза, вынужденно вышла замуж за нелюбимого человека, который нас кормил. С отчимом у меня дружбы не получилось. Он сказал: ты будешь носить мою фамилию. А я ответила: нет, я буду носить фамилию моего папы.

— Вы мамина или папина дочка?

— Папина. От мамы у меня доброта, терпеливость. Их было три сестры. Две прекрасно устроились в жизни. А мама никогда не жила роскошно, всегда самая бедная, невезучая, наверно, оттого, что была такая открытая для всех. Но сила великолепные имя и фамилию — Фелица Королевская.

Я мечтала, что рожу сына и назову Станислав Пыха. Родила дочку. Не могла назвать ее Фелицей — не разрешили бы родственники со стороны мужа, Броневицкого. Но когда Илона родила сына, мой второй муж, я ему за это благодарна, несмотря на то, что мы с ним мало прожили, всего шесть лет, зная мое сокровенное желание, уговорил мою дочь назвать ребенка Станиславом. А уже чуть позже внук сам сказал, что хочет быть Пыхой. И он носит имя Станислав Пыха. Потеряв папу, я возродила его в своем внуке. Но это очень сентиментально. Люди подумают, что я уже такая дремучая старуха. А я очень оптимистично и по-боевому настроена.

— У вас не бывало желания махнуть рукой на все здешние трудности и вернуться на Запад?

— А кто меня там ждет? Я должна буду опять начинать с нуля. Со мной сложилось такое состояние: и снова все сначала... Когда я покинула Францию в девять лет, мы переехали в Польшу, я пошла в школу, практически не зная языка, и оказалась в числе двоечников, хотя из Франции уехала хорошей ученицей. Меня посадили на последнюю парту, это убивало, я мечтала сидеть на первой и добилась этого к третьему классу. Я не хотела быть хуже других. Всю жизнь к этому стремилась. В седьмом классе уже была нормальной ученицей. Поступила в педагогический лицей, закончила его с золотой медалью и поехала на учебу в Советский Союз. Это было очень почетно. Я прошла три конкурса благодаря, видимо, артистичности, потому что знаний у меня было значительно меньше, чем требовалось, чтобы победить, но я здорово играла. Про битву под Грюнвальдом знала только то, что она состоялась в 1410 году, но я такой спектакль разыграла перед комиссией, даже спела им, чтобы они мне поставили «хорошо». На третьем туре мы месяц готовились, и уже лучшие из лучших должны были поехать в СССР. Я выступала в самодеятельных вечерах, и в меня буквально влюбилась учительница по русскому языку, хотя я была абсолютный ноль в русском языке, она с трудом натянута мне «тройку». Меня пропустили в Советский Союз условно.

На первом курсе «Капитал» Маркса я конспектировала со словарем. Опять выбивалась в люди. Потом попала на сцену — снова в непривычную обстановку. Шахтерская девочка, спортсменка, не имевшая представления о том, что такое театр, попала на сцену! Что там делать? Как я впервые в жизни попала на банкет в советском посольстве в Париже в 1965 году! Слева огромное количество приборов, справа — столько же. Я растерялась. А дипломат, сидевший рядом, тихо мне сказал: «Начинайте брать приборы с края, все совпадает с меню».

Меня все время бросали, как котенка в море. Я плавать не умела, но быстро училась уже в воде, лишь бы не уронить достоинство, которым всегда дорожила. На банкете не стала бы есть вообще, покинулась, что не голодна, только бы не опозориться. Однажды мне преподнесли большое блюдо белых «колбасок». В Праге, в отеле «Интерконтиненталь», где в мою честь президент Общества чехословацко-советской дружбы устроил обед,

За столом было всего пять человек. А я смотрю на блюдо и думаю: что с ними делать? Никогда в жизни я не видела такого кушанья, и тому же сидела без очков, потому что мне хотели какие-то линзы сделать в подарок. И не разглядела, что это марлевые салфетки на серебряном блюде. Вдруг президент говорит мне: освесьте руки. И я благодарно выдыхаю: спасибо! Как будто меня приговорили к смерти и помиловали. Взяла салфетку, небрежно встряхнула, и дальше уже артистизм помог сделать вид, что я каждый день это продлеваю.

— Вы любите вкусно поесть?

— Люблю растительную пищу, рыбу. Мясо — нет. Однажды сама ловила рыбу, и удачно — на Черном море. А водитель моторки выловил катрана, мы сдвинули его в японский ресторан, где нам пригостили эту удивительно вкусную акулу. Я родом, наверно, из Китая или Японии, потому что обожаю китайскую и японскую кухни, как самый большой обжора.

Директор парижского концертного зала «Олимпия» Бруно Кокатрикс когда-то сказал мне — он был президентом общества гурма-

Тараки я даже вино пила, хотя он мусульманин, но говорил, что в Америке научился пить вино. С Амином, который задушил Тараки, я танцевала, при том, что женщинам не полагается танцевать в мужской компании, мне разрешили: вы из Европы, ладно, танцуйте с нами. Меня спасло то, что у меня было зеленое платье, а у мусульман это священный цвет. С Бабраком Кармалем мы пьянствовали на приеме в советском посольстве. Командующий нашими войсками на БТР приезжал ко мне в гостиницу во время комендантского часа и хотел за мной ухаживать, но я его отправила обратно.

— У вас были высокие покровители?

— Покровитель — это тот, кто помогает. Мне всегда помогали простые люди. А высокие покровители... Ельцин недавно сказал: я же не Пыха, чтоб раздавать автографы. Я знаю, что нравилось горбачевской семье, но они ни разу не пришли ко мне на концерт. Я могла, может быть, нравиться Брежневу, он мне даже подарил розы в ГДР, в посольстве, и поцеловал в щечку, но на этом все по-

ношения с мужчинами повлияла ранняя смерть отца, как вы думаете?

— Это по Фрейдю?.. Наверно, потому что я Лев, я сильная. А в глазах мужчин иногда нужно быть слабой. Я не умею притворяться, бросаться на шею и кричать о своей любви. Никогда не могла сказать мужчине: какой ты у меня умница. А мужчины нуждаются в этом. В браке может быть идиллия, когда женщина говорит мужчине неправду для того, чтобы он ее защищал, становился сильнее, ибо по природе мужчины слабы, именно женщины воспитывают в них силу. Двадцать лет Броневицкий не хотел признавать во мне какую-то силу. Сам он по натуре был незащищенным, но обрел имидж деспота еще до нашего супружества, которым хорошо прикрывался и пользовался против меня. Но я, раскусив это, терпела. На самом деле именно я его успокаивала и приводила в чувство, когда на него нападали, говорила, что все ерунда, что он обязательно победит. А второй муж заявил: «Мне надоело быть мужем Эдиты Пыхи, я хочу, чтобы ты была моей женой». У дочки тоже превалирует сила. Будучи Водолеем, она буквально задавила первого мужа и второго под каблук взяла. Чего не было с моей мамой. Моя мама была раба.

— У вас есть хрустальная мечта?

— Иметь красивый дом, сад и продолжать то, что оборвалось в жизни моего папы — выращивать розы. Быть достаточно богатой, чтобы помогать другим. Скажем, получить от кого-нибудь наследство. Но это мне не светит. Так мне сказали, но нагадали, что в этом году я встречу самую большую любовь в моей жизни.

— Вы представляете себе период вашего заслуженного отдыха?

— Что я буду делать на заслуженном отдыхе? Если только моя самая большая любовь, сужденная в этом году, окажется богатым человеком, тогда я смогу выполнить все свои желания.

— Есть ли у вас рецепт вашей молодости? Вы прибегали к помощи пластических операций?

— Наши люди к «пластическим операциям» относятся как к чему-то ненормальному. Для западных звезд это то же самое, что запломбировать зуб. Чтобы хорошо выглядеть, женщина не должна гнущаться ничем. Мне вырезать пока особенно нечего. Если понадобится — вырежу, но не стану об этом сообщать публике.

— Ходили слухи, что правитель Ленинграда Романов добивался вашего расположения...

— Перепутали с Сенчиной. Я была выше его на целую голову.

— Вам бывает трудно с собственным характером?

— Бывает. Трудно жить с комплексами — надо мной постоянно довлеют такие понятия: неудобно, неприлично, неловко, нельзя. Мне друзья говорят: «Твоя голова на три дня от тебя отстает».

— Вы себя часто ругаете?

— Да. Моя костюмерша всегда ворчит: «Опять самодеятельно начинаешь заниматься». Особенно у комплексу, когда попадаю в обстановку, непривычную для меня, которую приходится обживать. Оказавшись в другой стране, я плохо ориентируюсь — у меня зрительная память плохая. Например, в Париже — сколько уж раз я там была — шла как-то по улице и бросала камешки, чтобы по ним вернуться в гостиницу. Не пометив обратный путь, чувствовала, что заблужусь, даже зная язык. Я дружу сама с собой, но мне с собой трудно, как с трудно воспитуемым ребенком...

Она не позволяет себе расслабиться, особенно публично. И на банкете пьет минеральную воду, хотя наверняка предпочла бы, как все, шампанское. И стесняется жевать на людях, потому что банкетов уходит голодной и трезвой. Она насыщается потом, когда нет посторонних и можно расквашать на ее планах: публичное одиночество и одинокая самодостаточность.

Алла ПЕРЕВАЛОВА.

Фото Валерия ГЕНДЕ-РОТЕ.

ОРХИДЕЯ

СОВЕТСКОЙ ЭСТРАДЫ

ОРХИДЕН
У НАС
НЕ РАСТУТ.
И СОВЕТСКОЙ
ЭСТРАДЫ УЖЕ НЕТ.
НО ЭДИТА ПЫХА
ЖИВЕТ ЗДЕСЬ.
И ДОЧЬ ЕЕ.
И ВУКИ. МЕСТНЫЕ.
ДЛЯ КОГО-ТО
РОССИЯ — МАТЬ.
А ЕЙ ОНА СТАЛА
ОТЦОМ, МУЖЕМ,
САМЫМ ГЛАВНЫМ МУЖЧИНОЙ.
ЕДИНСТВЕННЫМ,
ОТ КОТОРОГО
НИКАК НЕ УЙТИ.